

КРЕДИТ ДОВЕРИЯ

Обсуждение образовательных стандартов на круглом столе, организованном Министерством образования и науки РФ и журналом «Платное образование», показало, насколько по-разному понимают представители высшей школы роль и функции государственной стандартизации, как расходятся их позиции и оценки. Директор департамента государственной политики в образовании И.И.Калина образно назвал горячую дискуссию «пиром мысли», мне бы хотелось прокомментировать некоторые «блюда», поданные на этом пиру.

Начну с главного, с правовой точки зрения, с Конституции, которую я не стал бы трактовать аналогично Закону «Об образовании», как это сделал в своем выступлении И.И.Калина. Конституцией предписано: «Российская Федерация устанавливает *федеральные* государственные образовательные *стандарты*». А Закон переименовывает: «В Российской Федерации устанавливаются государственные образовательные стандарты, включающие в себя *федеральный* и региональный (национально-региональный) *компоненты*, а также компонент образовательного учреждения». Понятия «федеральный стандарт» и «федеральный компонент стандарта» никак нельзя признать синонимичными. Так какой же из двух законов имел в виду И.И.Калина, когда говорил о некоем «нормативном акте», обязывающем министерство оформлять государственные стандарты, разработанные академическим сообществом, не занимаясь при этом их оценкой? В Законе нет ни термина «оформление», ни термина «оценивание». В нем продублирован термин, заимствованный из Конституции: «устанавливает государственные образовательные стандарты». Именно *устанавливает*, т.е. берет на себя всю полноту ответственности за содержание государственных стандартов, а не *оформляет*, т.е. просто контролирует соблюдение формальных принципов их легализации: проверяет наличие всех предусмотренных реквизитов, подписей и т.д. Эта ситуация невольно

Кредит доверия

напоминает историю ветхозаветного козла отпущения, которого было принято «украшать» символами своих собственных грехов и, нет, не убивать, а просто отпускать в пустыню – пусть живет. Непонятно только, почему в названии Департамента содержится слово «политика».

Мне представляется, что среди участников круглого стола ближе всего к современному пониманию конституционной нормы как нормы именно политической подошел ректор Московской финансово-промышленной академии Ю.Б.Рубин, которого здесь следует процитировать: «Государственный стандарт понятен как элемент государственной политики. В этом смысле он мог бы содержать такие современные цивилизационные нормы, как равенство доступа к образованию, формирование гражданских ценностей, толерантности, социальной стабильности, национальной безопасности». Ректора негосударственного вуза поддержала заместитель руководителя Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Е.Н.Геворкян: «Я считаю, что сейчас следует говорить не о государственных стандартах, регламентирующих содержание профессиональной подготовки, а **о стандартах по оценке качества специалистов, которых выпускают вузы**». Если внимательно присмотреться к нормам государственного образовательного стандарта, перечисленным Ю.Б.Рубиным, то можно заметить, что все они касаются одного – стратегической, долгосрочной безопасности страны. Нетрудно также заметить, что эти нормы имеют универсальный характер: они касаются разных субъектов и распространяются на все виды деятельности. В частности, они могут регламентировать деятельность СМИ. В странах, заботящихся о своем будущем, есть писанные и неписанные нормы новостных форматов, правила показа фильмов в сетях общего доступа и многое другое, что мы почему-то считаем не имеющим отношения к образованию.

Следует также иметь в виду, что специалисты различают три разновидности образования: формальное, неформальное и спонтанное (formal learning, non-formal learning, in-formal learning). Конституционные нормы не

Кредит доверия

могут относиться только к одному из этих видов – формальному. Пункт 5 статьи 43 Конституции выглядит так: «Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования». Это положение может, а на мой взгляд, должно интерпретироваться примерно так, как сформулировал Ю.Б.Рубин.

Возвращаясь к разночтению Конституции и Закона «Об образовании» в части государственных образовательных стандартов, рискну предположить, что текст Конституции, **принятый** чуть позже, чем первая редакция Закона, писался теми же авторами и с тем же им видимым смыслом. Поэтому сам Закон не стал переделываться под Конституцию, и сегодня нам приходится иметь дело с сомнительной, я бы даже сказал тупиковой, трактовкой государственных образовательных стандартов. Вместо того, чтобы регламентировать реализацию прав и обязанностей граждан как самостоятельных субъектов, стандарты описывают свойства людей, как неких безличных объектов. Они классифицируют специалистов наподобие винтиков, штепселей-розеток, тракторов, ракет, породистого скота, районированных сортов семян. Только при таком, сугубо утилитарном технократическом подходе может возникнуть вопрос о связи между жесткими квалификационными предписаниями и финансированием учебных заведений. Хочу еще раз подчеркнуть: государственный стандарт должен в первую очередь обеспечивать безопасность процессов, в которых участвуют люди. Торг здесь не уместен. Поэтому, когда В.Д.Шадриков связывает «нормативное финансирование» образования со стандартом («норматив должен по чему-то рассчитываться»), он вынужден обращаться **к** «объектной» парадигме и понимать под стандартом заранее заданные характеристики производимой вещи.

Что такое минимум содержания федерального компонента ГОС? Это не качества субъекта – терпимость и другие гражданские ценности, которые

Кредит доверия

было бы даже нечестно пытаться «замерять». Нет, это свойства объекта: наличие в "сосуде" предписанного объема «знаний», поддающихся объективной же проверке.

Данный подход полностью укладывается в логику рыночных отношений: кто платит, тот и определяет – за что платить. При чем тут государство как гарант безопасности? Дальше просто: если что-то измерить нельзя, то и в стандарт включать не нужно, а, стало быть, не надо и финансировать. В результате «мы имеем то, что имеем». Наши дети знают больше всех, а думать умеют едва ли не хуже всех. Не случайно в Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 годы среди других задач предусмотрено улучшение результатов российских школьников в международных **обследованиях качества** типа «PISA». Напомню, что в 2000 году наши старшеклассники **среди** своих сверстников из 30 стран мира, по умению вдумчиво читать оказались в замыкающей пятерке.

Ключевым словом, которое определяет почти все в образовании, является, на мой взгляд, доверие. Если оно есть, то одни субъекты – эксперты – могут достаточно адекватно оценивать деятельность своих коллег. На доверии стоит не только образование, на нем зиждется вся современная экономика. По-английски доверие будет «credit», не случайно именно этим словом называется единица измерения «количества образования» в едином образовательном пространстве **высшей школы** Европы. В нашей стране с ее многовековой «культурой недоверия», пропитавшей и отношения в высшей школе, на скорое приближение к тому, что является нормой в западных странах, рассчитывать не приходится.

Логика «вещной ориентации» в образовательных стандартах заводит нас в тупик «перечня специальностей (направлений подготовки)». Качество – вещь сугубо конкретная, штучная: хорошее образование должен получать каждый выпускник учебного заведения. Стремясь добиться «качественного описания качества», мы будем неизбежно расширять перечень наименований самих вещей, в данном случае – специализаций. Технический прогресс

Кредит доверия

делает это расширение лавинообразным. Попытки силовым образом «сократить список профессий» превращают в фикцию понятие «качество продукции», которой предстоит стать «человеческим фактором» на реальном производственном участке, в конкретном технологическом процессе.

Не так давно, менее года назад, произошло историческое событие: Таганрогский государственный радиотехнический университет (ТРТУ) завершил процесс официального признания (эквивалентизации) инженерных программ подготовки бакалавров в одной из самых авторитетных в мире аккредитационных структур – ABET (Accreditation Board for Engineering and Technology, Inc). Официальное признание получили только две образовательные программы: Computer Engineering и Electrical Engineering, соответствующие одноименным программам, предлагаемым в университетах США. Стоит подчеркнуть, что программа Electrical Engineering перекрывает аж десять направлений из Российского перечня инженерных образовательных программ: «Автоматизация и управление», «Телекоммуникации», «Электроника и микроэлектроника», «Электротехника, электромеханика и электротехнологии», «Приборостроение», «Проектирование и технология электронных средств», «Метрология, стандартизация и сертификация», «Электроэнергетика», «Оптотехника» и «Радиотехника», которые в процессе эквивалентизации рассматривались как специализации укрупненных программ Computer Engineering и Electrical Engineering. Казалось бы, этот опыт однозначно говорит о том, что нам следует значительно сократить перечень специальностей, чтобы наша система профессиональной подготовки понималась и признавалась за рубежом. Но на деле не все так просто. В официальном оповещении об эквивалентизации содержится перечень всех внеамериканских образовательных программ, поражающий обилием стихийно сложившихся специальностей. Вот этот «перечень» на языке оригинала (жирным шрифтом выделены позиции, относящиеся к ТРТУ): Aerospace Eng.; Applied Chemical Eng.; Applied Civil Eng.; Applied Electrical

Кредит доверия

Eng.; Applied Mechanical Eng.; Architectural Eng.; Astronautical Eng.; Biomedical Eng.; Chemical & Industrial Eng.; Chemical Eng.; Civil Eng.; Computer and Control Eng.; **Computer Eng.**; Computer Science; Computer Systems Eng.; Construction Eng. and Management; Control Eng.; Electric Power and Control Eng.; Electrical & Electronics Eng.; Electrical Eng. (Gen); Electrical Eng. (Telecommunication); **Electrical Eng.**; Electronic Systems Eng.; Electronics & Communications Eng.; Electronics and Computer Systems; Environment Eng.; Environmental Eng.; Food Eng.; Geodesy and Photogrammetry Eng.; Geodetic Eng.; Geological Eng.; Geophysical Eng.; Industrial & Management Systems Eng.; Industrial & Systems Eng.; Industrial Eng.; Materials Science and Eng.; Mechanical & Electrical Eng.; Mechanical & Industrial Eng.; Mechanical Eng.; Metallurgical & Materials Eng.; Metallurgical and Materials Eng.; Mining Eng.; Naval and Marine Eng.; Naval Architecture Eng.; Nuclear Eng.; Ocean Eng.; Petroleum and Gas Eng.; Petroleum and Natural Gas Eng.; Petroleum Eng.; Production Eng. & Mechanical Systems Design; Systems Eng.-Automation & Control; Systems Eng.-Industrial Eng. & Organization; Textile Eng.; Thermal Eng. & Desalination Technology.

На мой взгляд, проблема «перечня» как такового – абсолютно надуманная, она проистекает из ложного представления о том, что именно надо «стандартизировать», «фиксировать», «проверять». Люди попросту утратили доверие друг к другу и пытаются заменить его какими-то «объективно-проверяемыми» критериями. Шесть лет таганрожцы готовились к зарубежной аккредитации, которая выдается на тот же срок. Эксперты АВЕТ – неглупые, квалифицированные люди, подкупить их невозможно, потемкинскую деревню показать – тоже. Они проверили систему обучения в таганроГском университете, но при этом не рассматривали с лупой «минимум содержания образования», эту «дубинку» наших аттестаций. Никто не пытался «причесать» учебный процесс под какой-то единый, общий шаблон. Проверялась логичность, нацеленность на конечный результат (в

Кредит доверия

разных странах разный) всей образовательной программы как единого целого.

Человек – существо разумное, он ставит цели и их достигает. Вопрос «как готовить специалистов?» вузы должны решать самостоятельно. Каждое учебное заведение определяет свою миссию и задачи, ориентируется на конкретный рынок труда, сотрудничает с конкретными работодателями. Об этой модели говорили некоторые участники круглого стола, в частности Д.В.Пузанков и В.Б.Касевич. Единого образовательного стандарта в принципе быть не может.

«Объектная» парадигма постепенно уходит в прошлое: раньше американцы тоже использовали дидактические единицы, но не так давно, в 2000 году отказались от этого формата, поняли, что это вчерашний день. При оценке качества образования важно убедиться только в одном: что поставленные цели действительно достигаются предложенными средствами, а навязывать учебному заведению иные методы и подходы не имеет смысла. В образовательном процессе участвуют субъекты, поэтому на смену объективированным моделям сегодня приходит личностный, компетентностный подход, предполагающий формирование у специалиста определенных способностей и умений.

Я думаю, что **если** мы не извлечем уроки из подобных case-study, то еще долго будем петлять по своим собственным следам, повторяя в новых поколениях «стандартов» ГОС ВПО одни и те же заблуждения. Назначение госстандарта – гарантировать осуществление учебного процесса, а не регламентировать его содержание, государство должно стоять на страже общественной безопасности.

Только не надо при этом поминать все Конституцию с предписанными ею федеральными образовательными стандартами. Особенно после того, как вытерли об нее ноги, заменив конституционную гарантию общедоступности среднего профессионального образования конкурсностью его бесплатного получения. По закону «Об образовании» в редакции 1992

Кредит доверия

года все профессиональное образование было переведено на конкурсную основу. В редакции же 1996 года (после принятия Конституции в 1993 году) начальное профессиональное образование вновь стало общедоступным, однако получение среднего – вопреки основному закону – так и осталось конкурсным. По Конституции государственные или муниципальные образовательные учреждения и предприятия являются заведениями, где каждый человек может получить образование. Но стараниями наших доблестных юристов от государственных предприятий в гражданском и иных кодексах остались только «рожки» унитарных предприятий, чье правовое положение ничем не лучше положения крепостных крестьян. Юристы полностью проигнорировали особый, конституцией предписанный статус государственных и муниципальных образовательных учреждений как средств обеспечения гарантированных прав граждан на образование. То же самое можно сказать об учреждениях здравоохранения. В результате и те, и другие ~~государственные~~ учреждения фактически лишены какой бы то ни было автономии и находятся в рабском положении.

Будет ли безопасной жизнь в нашей стране? Удастся ли в ней создать хоть какое-то «правовое поле», добиться обеспечения хоть каких-то социальных гарантий? В любом случае, ~~мы~~ **люди** будем смотреть, что скажет очередное начальство, и делать выводы: каждый – свои. Например, если нельзя поменять начальство, то можно поменять страну. Или свет: этот на тот. Как там у нас дела обстоят с миграцией? А с рождаемостью? А со смертностью? А с кредитом доверия?

Леонид Сергеевич Гребнев